«Пылающее копье»

В. СИДЕНКО

На севере английской колонии Кении, неподалеку от ее границы с Суданом, лежит маленький городок Лодвар. Кругом на сотни миль — песок и камень, печальное однообразие которых нарушают лишь колючие кустарники. Это царство песчаных бурь и раскаленного солнца. По ночам жителей поселка будит рык льва и жалобные крики антилоп, ставших добычей хищников.

В этом городке живет старик-африканец. У него высокий лоб, обрамленный седыми волосами, густые брови и мудрые глаза человека, который много видел, пережил и выстрадал на своем веку. Выходя на прогулку, он часто берет с собою трость черного дерева, инкрустированную серебром, с набалдашником в виде слона — память о прошлом, о друзьях, оставшихся ему верными в беде.

Что заставило старика, здоровье которого сильно подорвано, поселиться в неприветливой и нездоровой местности? Он живет здесь не по своей воле. Каждый день этот человек обязан являться в местный полицейский участок, чтобы засвидетельствовать, что он, Джомо Кениатта, по-прежнему находится в Лодваре, отбывая ссылку.

Имя Джомо Кениатты знакомо всему миру. Его с уважением произносят в Гане и Гвинее, Марокко и Анголе, в Южно-Африканском Союзе и Нигерии. Этого большого ученого и видного политического деятеля знают в Англии, Соединенных Штатах, Франции, Италии, Советском Союзе, Китае. О нем написано много статей и целые книги.

За какое же преступление колониальные власти Кении держат Кениатту в ссылке? Начало этой истории уходит в далекое прошлое.

...60 лет назад в деревне близ форта Хилл крестьяне подобрали маленького мальчика. Неизвестно, когда он родился, кто были его отец и мать. Добрые люди, приютившие малыша, дали ему имя Каман Ва Нгенги, что значит «найденыш». Мальчик рано узнал вкус хлеба, заработанного тяжелым трудом. Чуть он подрос — его отдали в пастухи. Необыкновенные способности мальчика обратили на себя внимание руководителей шотландской миссии. Он был принят в церковную школу — редкое счастье для африканского ребенка в стране, где даже сегодня свыше двух третей детей африканцев никогда не переступали школьного порога.

Окончив школу, юноша — теперь он получил христианское имя Джон Джонстон — уезжает в Найроби.

Джомо Кениатта

В те годы Найроби, теперешний главный город колонии, был небольшим поселком. Он возник в конце прошлого века как лагерь строителей железной дороги Момбаса — Кампала. Выгодное географическое положение способствовало его быстрому росту. Здесь стали появляться мастерские и предприятия по переработке местного сельскохозяйственного сырья, лавки и магазины. Хозяевам предприятий, подрядчикам нужны были рабочие руки. Поставщиком рабочей силы стала разоренная, нищая африканская деревня с ее неимоверно низким жизненным уровнем и страшным земельным голодом: европейские колонизаторы захватили у кенийских крестьян лучшие пахотные земли. Тысячи африканцев покидали деревню, влекомые в Найроби надеждой сколотить хоть немного денег, чтобы заплатить налоги, помочь семье. Среди них был и Джон Джонстон. Он работал плотником, затем строителем и одновременно упорно занимался самообразованием. В начале 20-х годов он — контролер в управлении газовой промышленности Найроби. Для многих коренных жителей Кении стать мелким служащим — предел мечтаний. Это — «элита» африканского общества страны. Добравшись до верхней ступеньки социальной лестницы, некоторые сородичи Джона порывали с родной средой, стремились забыть свое происхождение, стать «черными европейцами».

Юноша не принадлежал к числу подобных отщепенцев. Его глубоко волновала участь родного народа. Раздумья о судьбе Кении привели Джона в ряды Центральной ассоциации кикуйю — первой в стране политической организации, объединявшей в основном передовых людей самой многочисленной в Кении народности — кикуйю. Эта организация выступала за отмену принудительного труда, за снижение налогов, за решение земельного вопроса. Одно время Джон был редактором главного печат-

ного органа этой партии; тогда-то и сменил он свою европейскую фамилию Джонстон на Кениатта — сын Кении. На страницах журнала появляются страстные статьи в защиту прав африканцев, подписанные «Пылающее копье». Партийные активисты знали, что за этим псевдонимом скрывался Кениатта.

Весной 1931 года Кениатта уезжает в Европу для продолжали образования. Он занимается в Московском университете, изучает в Лондонском университете этнографию и антропологию под руководством известного ученого Бронислава Малиновского. Это были годы тяжелого труда, лишений, унижения, которое ждет в Англии всех людей с темной кожей. Но упорство и сила духа побеждают. В 1938 году Кениатта заканчивает и публикует большую научную работу, посвященную вопросам африканской этнографии, — «Лицом к горе Кении». Книга эта принесла ему известность в научном мире.

Война застает Кениатту в Лондоне. Молодому ученому ненавистен фашизм — ближайший родственник колониализма. И Кениатта идет простым рабочим на оборонный завод, потом работает учителем, по вечерам выступает с лекциями перед солдатами.

Когда окончилась война, Кениатта с женой и сыном возвращается на родину. Теперь это умудренный жизненным опытом зрелый человек с широким кругозором. В его сердце по-прежнему горит огонь ненависти к колониализму. Кениатта убежден, что образование — важное условие победы в борьбе за национальное освобождение. Все свои силы он отдает организации африканских школ. Ему удается сгруппировать вокруг себя прогрессивных деятелей из среды африканской общественности. Вскоре после войны они основывают партию Союз африканцев Кении; председателем ее избран Кениатта.

Деятельность Кениатты пришлась не по вкусу колониальным властям. Особенно неистовствуют белые поселенцы — фактические хозяева колонии. Огрубевшие плантаторы и лощеные директора банков, промышленники и владельцы торговых домов часто собираются в одном из самых фешенебельных отелей Найроби — «Норфольк», чтобы обсудить положение в колонии, разработать меры борьбы против африканских патриотов. Это негласный кабинет министров Кении, существующий бок о бок с английским губернатором. Потягивая виски «Белая лошадь» и розовый джин, «хозяева страны» толкуют о том, что давно пора поставить на место этого черномазого смутьяна, невесть что возомнившего о себе. Пусть не забивает крамольными мыслями головы неграм, работающим на плантациях!

Подобные разговоры не были бесплодной болтовней раздраженных богачей. В их руках — все рычаги власти. И колонизаторы дали ход чудовищному заговору, который должен был уничтожить одним ударом и крупнейшую политическую партию страны, и руководителей африканцев, и африканские школы — эти рассадники свободомыслия.

Агенты английской разведки пустили слух, будто в Кении существует тайное общество террористов «Мау-Мау», поставившее себе целью «вырезать всех белых поселенцев». Затем они выступили с новой «сенсацией»: Союз африканцев Кении и мифическое «тайное общество» «Мау-Мау» — одно и то же. Это была довольно убогая выдумка, и, видимо, только за неимением лучшей она была признана приличным поводом для «принятия решительных мер».

20 октября 1952 года власти Кении объявили в стране «чрезвычайное положение»; началась резня, расправы с деятелями Союза африканцев Кении. Кровавые репрессии сопровождались шумихой о «терроре» «Мау-Мау». Реакционная пресса, не жалея слов и мрачных красок, описывала церемонию посвящения в общество «Мау-Мау», публиковала «доподлинные» тексты клятв, которые якобы давали его члены, и гимнов, которые они распевали на своих собраниях. Буржуазных борзописцев, не смущали такие, например, обстоятельства, что слова «мау-мау» нет ни в одном африканском языке, что ни один европеец не стал жертвой «черных террористов», что, наконец, Союз африканцев Кении, как известно всем, — прогрессивная патриотическая организация, не признающая индивидуального террора как средства борьбы.

Кениатта и пять его соратников были арестованы и преданы суду по обвинению в руководстве террористическим обществом «Мау-Мау». Процесс «Королева против Кениатты», начавшийся в 1953 году в небольшом местечке Капенгуриа, шел при закрытых дверях. Доступ в Капенгуриа разрешался только по специальным пропускам. Письма вскрывались, телефонные разговоры подслушивались. Шесть «свидетелей обвинения» дали показания, в которых содержался обильный обвинительный материал против Кениатты. Они подтвердили его принадлежность к обществу «Мау-Мау» и привели массу «подробностей» о деятельности этого общества. Колонизаторы без труда выиграли дело. Кениатта был приговорен к семи годам каторжных работ. Он подал апелляцию, но высшие инстанции отклонили ее, и вскоре осужденных отправили в Северную провинцию Кении, в тюрьму Локатаунг.

Так закончился этот процесс, о котором в свое время много писали и говорили на Западе. Но те, кто думал, что занавес над трагедией Кениатты упал, ошибались.

...В то время, когда Кениатта сидел за решеткой, ожидая решения апелляционного суда, с аэродрома Найроби вылетел пассажирский самолет. Он держал курс на Лондон. На его борту находился некто Роусон Мбогве Мачариа. Спутники могли заметить, что он был в отличном настроении. На его темном лице играла довольная улыбка. Иногда он лез в карман своего нового, с иголочки костюма и вытаскивал бумагу — направление на лондонские курсы по обучению чиновников местной колониальной администрации. К направлению был приложен чек на довольно крупную сумму.

Немногие знали, откуда привалило такое счастье африканцу, не имевшему ни богатых родственников, ни собственного «дела». Это было известно лишь нескольким агентам колониальной службы безопасности да самому Мачариа — главному «свидетелю обвинения» на процессе против Кениатты. Направление на курсы и деньги были наградой за «услуги», оказанные этим лжесвидетелем колонизаторам.

Английские колониальные власти обещали Мачариа по возвращении с курсов пост в колониальном управлении Уганды или Танганьики и земельный участок.

Два года учения в Лондоне промелькнули, как один день, а вернувшись на родину, Мачариа не получил ни обещанного поста, ни земли, ни денег. Власти не то забыли о его существовании, не то решили, что негр и так сорвал достаточный куш. Несколько месяцев Мачариа ходил без работы. Другой в его положении мог бы обратиться за помощью к соплеменникам-африканцам: как бы им ни было трудно самим, они всегда протянули бы руку товарищу, попавшему в беду. Но от лжесвидетеля отвернулись все. Даже жена проклинала его.

Тогда-то Мачариа, видимо, и начал постигать всю глубину преступления, которое он совершил в надежде построить собственное благополучие на несчастье других. И он решается выступить с разоблачениями судебной постановки в Капенгуриа. Этот отчаянный шаг не сулил ему никаких материальных выгод и, более того, был сопряжен с огромным риском. Мачариа знал, что колониальные власти могут приговорить его за лжесвидетельство к семи годам каторги. Но этот поступок мог вернуть ему доброе имя.

И Мачариа решился. 22 ноября 1958 года в доме нотариуса Бандари на окраине Найроби в присутствии нескольких представителей африканской общественности он дал под присягой показания о том, что все его «свидетельства» против Кениатты на суде в Капенгуриа — ложь.

В конце 1958 года один известный политический деятель Кении вылетел в Лондон, имея при себе фотокопии признаний Мачариа, подтверждающих полную невиновность Кениатты. Эти документы были переданы представителям печати.

Опубликование этого заявления наделало много шуму. Министр колоний Великобритании был вынужден назначить специальную следственную комиссию.

Местные власти Кении реагировали на разоблачения по-своему. Они немедленно отдали Мачариа под суд за... клевету на организаторов позорного процесса в Капенгуриа. Суд состоялся в первой половине 1959 года.

Из показаний свидетелей и обвиняемого перед присутствующими в зале суда предстала картина вопиющего произвола. Оказывается, «свидетели обвинения» в Капенгуриа получали текст своих показаний от полицейских офицеров. Сам Мачариа писал их под диктовку некоего Хендерсона — человека, сыгравшего зловещую роль в заговоре против Кениатты. Хендерсон же заимствовал их... из английских газет. Дважды в день «свидетелей» отвозили на машине в местечко Киганио. Здесь власти устраивали своеобразные репетиции судебных заседаний. Роли судей, прокурора, адвоката и обвиняемых исполняли полицейские. Это делалось для того, чтобы проконтролировать, насколько хорошо «свидетели» усвоили то, что им надлежало говорить, и придать их показаниям «естественный характер». Правительство вознаградило провокаторов — кого деньгами, кого землей. Представитель колониальных властей признался, что услуги «свидетелей» обошлись властям приблизительно в 12 тысяч фунтов стерлингов.

Так судебный процесс над Мачариа вылился в суд над палачами Кениатты.

Фактически суд закончился поражением колонизаторов. Правда, Мачариа получил 21 месяц тюрьмы, но Кениатта был освобожден: власти сочли опасным держать его в заключении и заменили тюрьму ссылкой на неопределенный срок.

Такой финал не удовлетворил ни народ Кении, ни народы других стран африканского материка. Они продолжают борьбу за освобождение Кениатты. 26 сентября 1959 года по призыву Совета солидарности стран Азии и Африки народы этих континентов провели День борьбы за свободу Кениатты. Через месяц — в День Кении — 20 октября с плакатами «Свободу Кениатте!» тысячи жителей Найроби вышли на улицы города. Такая же демонстрация повторилась 20 октября 1960 года. Вторая конференция народов Африки, проходившая в Тунисе в начале 1960 года, приняла резолюцию, призывающую продолжать борьбу за свободу Кениатты.

О ЧЕМ УМАЛЧИВАЮТ АВСТРАЛИЙСКИЕ «ОПЕКУНЫ»

(Окончание. Начало см. на стр. 20)

Некоторое представление о настроениях новогвинейцев дает книга австралийского антрополога И. Хогбина «Преображение», написанная им после двухлетнего пребывания на острове. «Люди, — пишет Хогбин, — сообщают о случаях жестокого обращения, требуют более высокой заработной платы и бастуют, если им отказывают. У властей возникают трудности, когда делегации местного населения настаивают на увеличении числа учителей, введении новых посевных культур и организации местного самоуправления».

Сейчас, когда в защиту прав колониальных народов выступило все прогрессивное человечество во главе с Советским Союзом, колонизаторы развили бурную деятельность, пытаясь любыми средствами удержать Новую Гвинею в своих руках.

В апреле 1960 года министр колоний Хэслак ведет переговоры с английским правительством, а уже в мае выступает в Гааге «против поспешности в деле политических изменений на Новой Гвинее».

В июне Хэслак посещает США, где в Сан-Франциско доказывает «уникальность» Новой Гвинеи, которая-де совсем не похожа на остальной колониальный мир. В Нью-Йорке, отвечая корреспонденту «Нью-Йорк таймс», министр, заручившись поддержкой всех и вся, сказал, что подопечная территория не будет готова в продолжение еще 30 лет к самоуправлению, хотя он «предполагает, что на Австралию будет оказан большой нажим, чтобы она в ближайшие годы предоставила независимость территории».

Тот же Хэслак в июле 1960 года, стремясь ввести в заблуждение мировое общественное мнение, решил устроить своеобразный опрос среди жителей колоний. На встречу с ним в городе Рабауле было собрано 100 представителей местного населения. Вначале шло все хорошо — выступал туземец Т. Матпулпул, кавалер военной медали, надсмотрщик на одной из плантаций. Он заявил: «Хорошо, если дети наших детей начнут думать о самоуправлении; в настоящее же время люди должны больше заботиться о том, чтобы стать достаточно образованными для этого». В подобном духе говорили и некоторые другие подкупленные ораторы.

Но вот слово взял Епинери Титумуа — признанный лидер местного населения. Он прямо поставил вопрос: когда австралийцы намереваются уйти и предоставить местным жителям самим решать свои дела? Министр глубокомысленно заметил: «До этого пройдет еще некоторое время».

Сейчас лозунг новогвинейцев: «Никаких проволочек, немедленную свободу!» поддерживается всем прогрессивным человечеством. Новая Гвинея должна быть свободной!